

Мохаммед Абдель Фаттах Абу эль-Иля
Каир, Египет

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЧИСЛОВЫМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

АННОТАЦИЯ. В статье представлен лингвокультурологический анализ русских и арабских фразеологических единиц с числовым компонентом — универсальным кодом культуры. Выявлены как общие, так и национально-специфические особенности числовой символики, отраженной в мировидении русского и арабского народов, приведены примеры полного соответствия и несовпадения образной мотивированности исследуемых фразеологизмов. В русской лингвокультуре наиболее частотны числа «один», «два», «три» и «семь», в арабской лингвокультуре — числа «один» и «два», в меньшей степени — «пять», «семь» и «десять». Большие всего совпадений демонстрируют фразеологизмы, репрезентирующие символические значения чисел «один» и «два», что связано с универсальностью символики этих чисел (один — начало, единство, целостность, превосходство; два — противоречие, противоположность, взаимодополнительность). Культурно-национальное своеобразие связано с использованием национально-специфичных культурных кодов, отражающих реалии среды обитания, исторический опыт образного видения мира, а также религиозные представления. У синонимичных фразеологизмов может различаться оценочная семантика (например, эквивалент русского выражения «стричь под одну гребенку» обладает положительной коннотацией, поскольку употреблен в сакральном для мусульман тексте). Некоторые фразеологизмы основаны на особенностях письма («ноль без палочки» в русском языке, «ноль слева» — в арабском). Среди изучаемых единиц преобладают фразеологизмы с числовыми компонентами, описывающие негативные качества человека и предмета, в чем проявляются общие закономерности русской и арабской фразеологии; многие рассмотренные фразеологизмы относятся к просторечно-разговорному стилю.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеологизмы; числовая символика; культурный код; мотивирующий образ; русский язык; арабский язык; лингвокультурология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мохаммед Абдель Фаттах Абу эль-Иля, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка кафедры славянских языков факультета иностранных языков (Аль-Альсун), Айн-Шамский университет (Каир, Египет); 11221, Египет, г. Каир, р. Аббасия, ул. Аль-халифа Аль-мамун, email: egyru80@gmail.com.

Общепризнан тот факт, что своеобразным фундаментом исследовательских работ по лингвистике последних лет служит антропоцентрический принцип, суть которого заключается в том, что «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [Кубрякова 1995: 212]. Это, в свою очередь, привело к процессу «очеловечения» языкознания как ответной реакции на угрозу его дегуманизации в крайних направлениях структурализма [Зубкова 1999: 5].

Среди междисциплинарных наук данной ориентации особо выделяется лингвокультурология, изучающая вопрос о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры. Язык, как утверждают ученые, выступает в роли транслятора, носителя национальной культуры, хранящейся в нем. Он также развивается в культуре, отражая ментальность, мировоззрение народа, его эмпирический опыт, мораль, систему ценностей и т. п. [Колесов 1999; Красных 2002; Маслова 2007; Тер-Минасова 2000].

Одним из главных лексических репрезентантов культурных концептов, сложившихся в сознании любого этноса, т. е. в его языковой картине мира, являются фразеологизмы. Фразеология, по мысли В. Н. Телия, определяется как «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», как «самый культурноносный компонент языка в дей-

ствии» [Телия 1996: 9; Телия 2004: 19]. К тому же фразеологические номинации «представляют собой большой объем „свернутой“ культурно-маркированной информации, поскольку актуализируют социально более релевантные явления на определенном этапе развития общества» [Шкатова 2012: 209]. На этом основании фразеологизмом можно назвать готовое устойчивое словосочетание, содержащее представления, ставшие частью национальной культуры, следовательно, это лингвокультурема (по терминологии В. В. Воробьева [Воробьев 2008]).

На сегодняшний день наблюдается повышенный интерес как российских, так и зарубежных лингвистов к сопоставительному изучению фразеологизмов в контексте лингвокультурологии с целью выявить ступени развития мышления народов — носителей разных языков, их культурно-исторические традиции, специфическое мировидение, отраженное в языке. В то же время указанный метод исследования способствует установлению степени родства или неродства анализируемых языков и относительной хронологии возникновения общих для них явлений.

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу фразеологических единиц (ФЕ), имеющих в своем составе числовой компонент, в русском и арабском языках с позиции лингвокультурологического подхода (материал исследования составили 122 русские ФЕ и 104 арабские ФЕ). В работе представлена и проиллюстрирована примерами из исследуемого материала про-

блема соотношения фразеологических картин мира народов — носителей названных языков (фразеологическая картина мира понимается как подсистема языковой картины мира: «...это прежде всего мастерство и искусство этого народа представлять сложные концепты в виде образов» [Солодуб, Альбрехт 2002: 204]).

В современном языкознании число рассматривается не только как грамматическая категория, но и как лингвокультурологический и этнолингвистический компонент языковой картины мира. Изучение числовой символики позволяет выделить особенности образно-ассоциативного и интеллектуально-освоения окружающего мира языковыми социумами. Это связано с тем, что числа, как элементы числового кода, описывают Вселенную, человека и саму систему метаописания. В древних мифопоэтических традициях они имели сакральное значение, символизировали гармонию, порядок в противовес Хаосу, тем самым воплощая в себе тайну, обладающую сверхъестественной магической силой [Маковский 1996: 388]. При этом число считается важной составляющей понятийной системы человеческого мышления, а также универсальным концептом и константой духовной культуры.

В своей работе мы придерживаемся широкого подхода к пониманию границ фразеологии, предложенного Н. М. Шанским [Шанский 1972]. Поэтому объектом исследования послужил корпус русских и арабских ФЕ разного рода (идиомы, фразеологические выражения и сочетания и поговорки), в состав которых входят количественные, порядковые и собирательные числительные. Фразеологизмы отобраны методом сплошной выборки из различных лексикографических источников. Наряду с этим использованы отдельные толковые словари русского языка и энциклопедии знаков и символов для экспликации культурной семантики имен числительных.

При проводимом нами анализе рабочего материала учитываются параметры лингвокультурологического метода во фразеологии, указанные в трудах Е. Ф. Арсентьевой, М. Л. Ковшовой и В. Н. Телия [Телия 1996; Ковшова 2009; Арсентьева 2006]. Вслед за ними и применительно к объекту исследования мы попытаемся рассмотреть следующие моменты: 1) денотативное значение ФЕ; 2) внутреннюю форму как источник деривации их семантики, возникающую прежде всего в процессе метафоризации; в ее основе лежит образ, отражающий стереотипные представления этноса об объектах картины мира; 3) символику числительных и других

культурных кодов, взаимодействующих во фразеоморфизации изучаемых единиц. Помимо этого, проливается свет на составляющие коннотативного компонента их значения. По названным аспектам четко определяется национально-культурная специфика анализируемых ФЕ в сопоставляемых языках.

В зависимости от стержневого слова, выраженного именем числительным, исследуемые единицы делятся на следующие тематические группы и подгруппы.

I. ФЕ с числовым компонентом «ноль, нуль»

Источником мотивации внутренней формы ФЕ данной группы послужили переносно-образные значения лексемы «ноль, нуль»: 1. 'полное отсутствие чего-л., всего, что могло бы быть'; 2. 'о никчемном, ничтожном человеке, специалисте, недостойном уважения' [БАСРЯ 2012: 535—536]. Это объясняется тем, что указанное число вызывает в сознании разных народов мира ассоциации «пустоты, небытия, первоначального хаоса...» [Вовк 2006: 39]. Многозначное слово «ноль» имеет одинаковую культурную коннотацию в русской и арабской лингвокультурах, представленную либо тождественными, либо различными по мотивирующим образам ФЕ в сопоставляемых языках.

А. Символическое значение «пустота, незначительность». Оно представляет денотативное ядро таких совпадающих по образно-семантическому прототипу ФЕ, как *начинать с нуля*; *بدأ من الصفر* 'на пустом месте, когда ничего еще нет'; *быть равным нулю*; *يساوي صفر* 'быть незначительным, почти никаким'; *стричь под ноль*; *حلق على الصفر* 'стричь, остричь наголо'.

Неполное соответствие в плане выражения имеют ФЕ *сводиться к нулю* 'превращаться в ничто'; *عاد إلى المربع صفر* (букв. 'вернуться к квадрату нуля') — 'сходить на нет'. Как видно, в арабском фразеологизме числовой культурный код сочетается с геометрическим культурным кодом («квадрат») в силу связи с существующим в концептуальной картине мира арабов образом «точки небытия».

Расхождение в образной основе наблюдается у ФЕ *быть на полном нуле* 'оказаться совсем без денег, быть некредитоспособным'; *بقى على الحديدية* (букв. «остаться на железке») 'разориться, лишиться достатка, богатства'. В деривации семантики арабской идиомы участвует специфический национально-культурный компонент «железка / кусочек железа», образ которого ассоциируется в арабском сознании с ненужным крошечным

предметом. Обе идиомы имеют отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску.

Б. Символическое значение «ничтожный, ничего не значащий человек». Сюда включаются нумеративные фразеологизмы-синонимы, внутренняя форма которых имеет частичное совпадение в обоих языках.

За содержанием сопоставляемых ФЕ: *ноль без палочки* (о ничего не значащем, не стоящем человеке); *صفر على الشمال* (букв. *ноль слева* — о незначительном, ничтожном человеке) — закрепляются разные образы и прототипические ситуации, заимствованные из универсальной области знания — математики. В русской лингвокультуре есть выражение «ноль без палочки»: в математической записи число «ноль» становится незначащим, обозначающим отсутствие, когда стоит без числа «один» (вместе эти две цифры представляют число «десять»). В данном случае слово «палочка» подверглось метафорическому переосмыслению и приобрело смысл «число один» по сходству формы объектов. С точки зрения арабского мировидения, ноль превращается в ничего не обозначающую единицу тогда, когда стоит слева любой цифры. Такой же культурной коннотацией обладают фраземы *круглый ноль* — *صفر على الشمال* (букв. *ноль слева*); *абсолютный ноль*; *مجرد صفر* (букв. *лишь всего ноль*) или *صفر كبير* (букв. *большой ноль*).

В отличие от русской фразеологической картины мира, арабский фразеологизм *صفر منور* (букв. *круглый ноль*), а также его синоним *صفر مربع* (букв. *квадратный ноль*) употребляются тогда, когда речь идет о совсем незначительном объекте, а не о субъекте — ничтожном человеке. Тут прилагательные *مدور* «круглый» и *مربع* «квадратный» имеют вторичную семантику «целый, совершенный».

Всем вышеприведенным фразеологизмам с числовым компонентом данной подгруппы свойственна экспрессивная и отрицательная эмоционально-оценочная окраска, передающая оттенки пренебрежения и иронии. Данные ФЕ относятся к просторечно-разговорному стилю.

II. ФЕ с числовыми компонентами «один» и «первый»

Единицы данной группы обладают наибольшей частотностью. Они составляют в целом 64 фразеологизма (52,4 %).

А. Числительное «один»

Как показал анализ рабочего материала, ФЕ этой подгруппы имеют значительные семантические совпадения в рассматриваемых лингвокультурах ввиду универсальности символики числа «один»: «...символ начала,

единства и цельности, воплощение божественной сущности и аллегория космической оси» [Вовк 2006: 39]. Фразеологизмы с числом «один» отличаются высокой продуктивностью в разных языках. Так, рассмотрев ФЕ с указанным числом в татарском языке, Р. Ф. Фаттахова выявила девять значений слова «один»: *единичность, совместимость, целостность, дискретность, малое количество, близкое расстояние, единообразие и одиночество* [Фаттахова 2015: 199—200].

Применительно к нашему материалу лексема «один» выражает нижеуказанные культурно-символические смыслы в обоих сравниваемых языках.

1. Одинокый, находящийся без других, в отдельности. Данное значение воплощается во внутренней форме синонимической пары русских пословиц, наделенных негативной коннотацией: *одной рукой (и) узла не завяжешь*; *один в поле не воин* 'в одиночку все трудно делать'. Похожую культурную информацию несут в себе следующие арабские синонимичные пословицы, основанные, правда, на других прототипических ситуациях: *يد واحدة ماتصقش* (букв. *одной рукой не хлопнут*); *القفة أم ودنين لازم يشيلوها اتنين* (букв. *корзину с двумя ушками надо нести двум людям*). В последней арабской ФЕ лексема «один» замещена другим числовым кодом культуры — «два» — для усиления значения «необходимость избежать одиночества и оказывать помощь друг другу во всех делах, даже простых».

2. Одинаковый, сходный. В русском языке сюда относятся прежде всего фразеологизмы-синонимы негативно-иронического характера *одного поля ягоды, одним миром мазаны, все на одну колодку, одной масти (под одну мاستь), на один покрой* 'о людях, обладающих одинаковыми свойствами, качествами (обычно отрицательными)'. Это обусловлено характером образа, лежащего в основе самого фразеологизма. Так, образ ФЕ *одним миром мазаны* связан с религиозным представлением «о том, что все люди грешные и на основании этого равны между собой» [БФСРЯ 2010: 494]. Нейтральную оценку имеет фразеологизм «из одного теста».

Напротив, в фразеологической картине мира арабов преобладают ФЕ с нейтральной и положительной оценкой, например: *من عجينة واحدة* (букв. *из одного теста*); *من طينة واحدة* (букв. *из одной глины*) — 'о людях, похожих, равных по качествам'. Последняя ФЕ восходит к религиозному верованию в то, что Всевышний (Аллах) создал всех людей из глины. Положительную коннотацию несут ФЕ *من ماء واحد* (букв. *из одной воды*); *من معين واحد* (букв. *из текущей воды*); *من مشكاة واحدة* (букв.

из одного светильника) — «об одних и те же хороших вещах».

3. Всеобщий, единодушный. Наглядными выражениями этого значения в обоих языках являются ФЕ экспрессивного характера *все как один, как один человек*, которые представлены частичными эквивалентами в арабском языке: *على قلب رجل واحد* (букв. *на душе одного мужчины*); *عن (على) بكرة أبيهم* (букв. *на молодой верблюдице своего отца*) — 'все совместно'. Источником деривации второго фразеологизма служат разные версии одной арабской истории, которая рассказывает о группе арабов, которых убили в пустыне и вместе повезли на молодой верблюдице их отца [ЭСФАЯ 2014: 1077].

Русскому фразеологизму *стричь всех под одну гребёнку*, обозначающему «уравнивать всех в каком-либо отношении, не считаясь с различиями (обычно отрицательными)», свойственна негативная оценка, усиленная ядерной семой «срезать», которая входит в денотативное значение глагола «стричь». А арабский частичный эквивалент *جعلهم سواسية كأسنان المشط الواحد* (букв. *делать всех как зубья одной гребенки*) имеет положительную коннотацию в силу того, что содержание самой ФЕ представляет собой прецедентную фразу из сакрального текста хадиса, утверждающего значение справедливости.

4. Однократный, интенсивный. Это значение ярко воплощается в ФЕ с тождественными смыслами и образами в русской и арабской лингвокультурах: *одним духом* — *في نفس واحد*; *в/за один присест* — *في قعدة واحدة*; *одним росчерком пера* — *بجرة قلم واحدة*; *одним словом* — *بكلمة واحدة*; *один конец* — *نهاية واحدة*; *сесть за один стол* — *جلس على مائدة واحدة*; *одним махом* — *في لفة واحدة / دفعة واحدة*. Несоответствие мотивирующих образов мы находим в ФЕ *ставить на одну доску*; *وضع في خانة واحدة* (букв. *ставить в одну ячейку таблицы*) 'приравнивать кого-л. к кому-л. в каком-л. отношении'.

5. Полное отсутствие кого-/чего-либо. При сочетании с отрицательной частицей «ни» лексема «один» приобретает значение 'совсем никого/ничего'. Примером может служить ФЕ *ни одной живой души* (об отсутствии людей где-либо), где слово «душа» употребляется в значении «человек» на основе метонимизации. Арабскую фразеологическую картину мира отражает аналогичное выражение *ولا صريخ ابن يومين* (букв. *ни одного двухдневного кричащего ребенка*) 'совсем никого где-либо'.

В становлении ФЕ со смыслом «совсем ничего» *ни одной копейки*; *ولا قرش صاغ واحد* (букв. *ни одного чеканного пиастра*) участвуют этнокультурные реалии — монеты,

национальная валюта России и Египта: русская *копейка* и чеканный *пиастр* (старая монета в Египте).

Обнаружен единичный пример фразеологизмов полной эквивалентности, выражающих отношение «один — другой»: *в одно ухо вошло, а в другое вышло* — *دخل من وذن وخرج من الودن الثانية* — 'о без внимания слушающем и о скоро забываемом'.

Б. Числительное «первый»

Входя в состав ФЕ, слово «первый» имеет следующие инвариантные значения.

1. Первоначальный, самый ранний. Среди единиц данной подгруппы межъязыковые фразеологические эквиваленты репрезентируются такими ФЕ, как *сделать первый шаг*; *يخطو خطواته الأولى* 'начать что-нибудь'; *с первого взгляда* — *من أول نظرة* 'по первому впечатлению'; *из первых рук* — *من أول يد* 'прямо из первоисточников, без посредников'; *играть первую роль* — *يلعب الدور الأول* 'быть ведущим, главенствующим в чем-либо'; *первый среди равных* — *الأول بين أقرانه* 'выдающийся, главный, ведущий'; *первая помощь* — *الأسعافات الأولية* 'меры оказания первой помощи'.

Несовпадающими по образной составляющей оказываются нижеприведенные фразеологизмы с числовыми компонентами.

- В русской языковой картине мира фразеологизм с экспрессивной окраской *первая ласточка* имеет два значения: 1) 'о самых ранних, самых первых признаках появления, наступления чего-л.; 2) 'самый первый, за которым следуют другие'. В арабской фразеологической картине мира эти же значения выражаются двумя ФЕ с разными образами: *أول الغيث* (букв. *первый признак дождя*) или *البادرة الأولى* (букв. *первая весточка*); 2) *أول الخيط* (*первая нитка*).
- Для русского фразеологизма с негативной оценкой *первый блин комом* 'о неудачном начале какого-либо дела, о неуспешном первом опыте' имеются две синонимичные ФЕ в арабском языке: *أول القصيدة كفر* (букв. *первый стих в стихотворении бывает неясным*) и *أول ما شطح* (букв. *когда он (один человек) в первый раз побежал, налетел*) — 'о первой попытке, оказавшейся неудачной'.

2. Лучший из всех в каком-либо отношении. Фразеологизм *звезда первой величины*, обозначающий человека, прославившегося в какой-либо области деятельности, заимствован из астрономии: еще в Античности звезды были разделены на шесть величин по степени яркости, самой яркой из них является звезда первой величины [Серов 2005: 270]. Арабскими частичными эквивалентами считаются идиомы *نجم من الطراز الأول*

(букв. звезда первой категории); النجم الأول (букв. первая звезда). Кроме того, в арабском языке употребляется лингвокультурема четвертая пирамида для обозначения всемирно известного деятеля.

Для выражения смысла «превосходный, отличный сорт какого-либо товара / продукта» в русском языке употребляется фразеологизм *первый сорт*, арабскими аналогами которого служат ФЕ أول قطعة (букв. первый сорванный плод) или درجة أولى (букв. (сорт) первого класса).

III. ФЕ с числовыми компонентами «два» и «второй»

А. Числительное «два»

Число два символизирует главным образом любое противоречие, различного рода оппозиции (белое и черное, мужское и женское, день и ночь, материя и дух и др.) [Маковский 1996: 390]. Среди изучаемых единиц выделяются следующие культурно-символические смыслы этого числа.

1. Двойственность, одновременность. К единицам данной подгруппы можно отнести ФЕ с прозрачной внутренней формой в обоих языках: *убить (убивать) двух зайцев / гоняться за двумя зайцами*; يضرب عصفورين (букв. убить двух воробьев одним камнем) — «выполнить одновременно два разных дела». Указанные фраземы базируются на аналогичной прототипичной ситуации, в формировании которой существенную роль играет метафорическое переосмысление двух различных зоонимов — «заяц» и «воробей», которые приобрели значение «поставленная цель». В противоположном этим ФЕ смысле употребляются пословицы *за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*; صاحب بالين كذاب (букв. тот, у кого есть две мысли одновременно, является лживым) — «если возьмешься сразу за несколько дел, не добьешься результатов ни в одном». Судя по семантике, первые пары ФЕ имеют положительную оценку, а вторые пары — отрицательную.

Значение двойственности наглядно проявляется также в следующих ФЕ: *между двух огней*; بين نارين (букв. между двух огней) — «в положении, когда опасность грозит с двух сторон»; *действовать на два лагеря*; يلعب على الحبلين (букв. играть на двух веревках) — «поступать как двурушник»; *на два фронта (бороться)* — على الجبهتين (يحارب) «действовать в двух направлениях».

2. Превышение/снижение нормы. Идиома *видеть на два аршина под землей (в землю)* со значением «отличаться проникательностью» содержит в себе лингвокультурему «аршин» (старая русская мера дли-

ны, равная 0,71 м). Она отражает нереальную ситуацию: невозможно видеть внутрь земли, тем более на два аршина. На такой же прототипической ситуации основана фразеологическая универсалия لديه الحاسة السادسة (букв. обладать шестым чувством) — «о человеке, наделенном сверхъестественным чувством».

Русской реалией является и слово «вершок» (старая русская мера длины, равная 4,4 см), которое включается в состав ФЕ *от горшка два вершка* — «о маленьком ребенке или о человеке очень низкого роста». В арабской лингвокультуре аналогичным по семантике фразеологизмом является выражение, основанное на значении лексемы «пядь»: شبر ونص (букв. пядь с половиной).

3. Похожий, сходный. Рассмотрим примеры.

Фразеологизмы как *две капли воды* и فولة (букв. как две половинки боба) построены на сравнении двух похожих объектов. Они характеризуются различными образами и культурными кодами в сопоставляемых языках, но их значения аналогичны: «совершенно, очень сильно похож на кого-, что-л.». Схожесть объектов в русском языке подчеркивается сравнением с объектом природного кода культуры, а именно водой, в арабском языке — с единицей пищевого культурного кода в виде бобов, национального завтрака во многих арабских странах.

Русским фразеологизмом с ироническим оттенком *два сапога пара* обозначаются «люди, похожие друг на друга в каких-то отрицательных качествах». Он мотивирован метафоризацией — перенесением наименования «сапоги» на другой референт, «люди», на базе сходства признаков. В арабской лингвокультуре такой же образ лежит в основе фразеологизма جوزوا مشكاح لريه ما على الاتنين قيمه (букв. поженили Мишхаха на Руме, и они оба никто) — «о паре подлых людей, совершенно незначительных». Его прототип взят из древней арабской истории об одном подлом, противном мужчине, который женился на похожей по своему негативному характеру женщине [ТСПАЯ 1956: 184].

4. Противоположность, несовместимость. Сюда относятся синонимичные пословицы, характеризующие противоположные стороны в отношениях между людьми, одинаковыми по социальному статусу, профессиональной принадлежности, характеру и т. п., например: *два кота в одном мешке не улежатся; два медведя в одной берлоге не живут; две бараньи головы в один котел не лезут; две собаки в одной конуре не живут*. В арабской фразеологической картине мира подобную же ситуацию описывает послови-

ца *المركب اللي ليها ريسين تغرق* (букв. лодка с двумя капитанами тонет) — «о тех, кто претендует в равной мере на первенство, руководство и т. п.».

5. Отдельные переносные значения:

а) *близость*: в двух шагах; *على قيد (بعد) خطوتين* (букв. в двух шагах) — «на очень близком расстоянии»; б) *быстрота*: в два счета; *كلمح البصر* (букв. одним ударом) или *بضربة واحدة* (в мгновение ока) — «очень быстро и легко»; в) *ясность*: как дважды два <четыре>; *واحد زائد واحد يساوي اثنين* (букв. один плюс один равно двум) — «очень ясно, логично, убедительно»; г) *невозможность*: двум смертям не бы-
вать, а одной не миновать; *العمر واحد والرب واحد* (букв. возраст один и Бог один) — «о решимости сделать что-либо, связанное с риском, с надеждой на благополучный исход»; д) *краткость*: в двух словах; *في كلمتين* (букв. в двух словах) — «кратко, сжато, без подробностей».

Б. Числительное «второй»

Слово «второй» имеет ряд переносных символических значений, которые ниже проиллюстрированы примерами.

1. Посредничество: *из вторых рук* купить; *يشتري سلعة ما ثاني يد* (букв. купить какой-то товар второй руки) — «через посредника, не непосредственно из первоисточника».

2. Аналогичность: *привычка — вторая натура*; *العادة طبع ثان* (букв. привычка — вторая натура) или *العادة تؤام الطبيعة* (букв. привычка — близнец природы) — «привычку трудно искоренить или не искоренить вовсе».

3. Второстепенность: *играть вторую скрипку*; *يلعب دور ثان* (букв. играть вторую роль) — «занимать не главное, подчиненное положение в каком-либо деле». Метафорический образ второй скрипки соотносится с группами «скрипок в струнном или симфоническом оркестре, которые исполняют вторую, сопровождающую партию», а образ второй роли символизирует не главную, не основную роль [ФСРЛЯ 2008: 265].

4. Возрождение. Арабским аналогом русской ФЕ с положительной коннотацией *вторая молодость* («подъем энергии, прилив новых сил в пожилом возрасте») является фразеологизм с негативной оценкой *منتصف العمر* (букв. средний возраст). Он обозначает возрастной период человека, связанный с переоценкой опыта и депрессией.

IV. ФЕ с числовыми компонентами «три» и «третий»

Во многих мифологических системах число «три», как указывает В. Н. Топоров, выступает в качестве образа совершенства, так как оно представляет собой «идеальную

структуру с выделяемым началом, серединой и концом» [Топоров 1980: 32].

Судя по нашему материалу, это число не настолько характерно для арабской лингвокультуры, насколько для русской языковой картины мира. Арабские ФЕ построены на основе других кодов культуры. Так, в русской лингвокультуре данное число объективирует: а) маленькое пространство: *заблудиться в трёх соснах* — *يغرق في شبر ميه* (букв. тонуть в пяди воды) — «не сумеешь разобраться в чем-л. простом, несложном»; б) длительность: *обещанного три года ждут* — *يومه بسنة* (букв. для него день равен году) — «о том, когда не верят в скорое выполнение кем-то данных обещаний»; в) большое количество, чрезмерность: *на третьем взводе* — *سكران طينة* (букв. пьяный как глина) — «очень пьян, т. е. больше возможного»; с *три короба наврать* — *كذاب كذب الإبل* (букв. врать, как верблюд) — «очень много наговорить неправды, наврать»; в этой арабской фразеологизме ощутимо заметна роль экстралингвистического (зооморфного) фактора в формировании прототипа на базе сравнения с верблюдами, которые непроизвольно шевелят пастью, притворяясь, что едят. Как видно, в арабских фразеологических параллелях употребляются неоднородные культурные коды, такие как пространственный, временной, природный и зооморфный.

V. ФЕ с числовыми компонентами «четыре», «пять» и «пятый»

С этими числами отмечены отдельные ФЕ в обоих языках, например: русская ФЕ с эмоционально-экспрессивной окраской *в четырех стенах жить (сидеть)*, обладающая полным эквивалентом в арабском языке — *عاش (جلس) بين أربعة جدران* «ни с кем не общаясь, в полном одиночестве»; ФЕ без *пяти минут* (очень скоро будет кем-то) имеет арабский аналог *فرقة كعب* (букв. *растопление каблука*) — «очень скоро достигнет чего-то»; фразеологическая универсалия книжного характера «пятая колонна» имеет полный эквивалент в арабском языке *الطابور الخامس* (букв. *пятая колонна*) — «о предателях, изменниках, находящихся на содержании враждебных государств». Это выражение представляет собой кальку с испанского языка (исп. *quinta columna*).

Специфическое дифференциальное значение, характерное лишь для арабской языковой картины мира, имеет фразеологизм *خمسة وخمسة* (букв. *пять и пятерка*) — это жест или амулет от зависти и сглаза в виде кисти руки, пяти пальцев.

VI. ФЕ с числовыми компонентами «семь», «седьмой» и «семеро»

В мировой культурной традиции число «семь» является магическим, волшебным знаком, символизирующим совершенство, космический порядок и завершенность цикла. Это число также имеет религиозный характер: в христианстве оно обладает как положительной, так и отрицательной символикой, в исламской религии представляет собой первое число, указанное в Священном Коране, и ассоциируются со строением вселенной, состоящей из семи небес, земель и морей [Вовк 2006: 42—43; Кальсум Мадкан 2012: 113].

Как показал анализ, число «семь» и его словообразовательные дериваты более частотны в русской фразеологической картине мира. Межъязыковые фразеологические эквиваленты составляют всего 4 единицы и выражают следующие значения: а) далекое расстояние: *за семью морями*; *ما وراء سبعة بحور* (букв. *за семью морями*) — ‘очень далеко, в чужих странах’; б) длительность: *седьмой сон видеть / снится кому*; *راح في سابع نومه* (букв. *пропал в седьмой сон*) — ‘крепко спать’; в) дальнее родство: *седьмая вода на киселе*; *سابع جد* (букв. *седьмой дед*) — ‘об очень дальнем родстве’. Два значения идиомы *за семью замками* репрезентируются двумя оборотами в арабском языке: 1) под строгим присмотром, под надежной охраной; *في سابع أرض* (букв. *в седьмой земле*); 2) надежно спрятан и недоступен — *في بير* (букв. *в колодце*).

В других примерах наблюдается отсутствие числительного «семь» в соответствующих арабских ФЕ. В данных русских ФЕ число «семь» ассоциируется: а) с рискованностью: *семь бед — один ответ*; *إذا ضربت فأتى فوجع فإن الملامة واحدة* (букв. *если ты бьешь кого-то, то сделай ему еще больнее, потому что наказание одно*) — ‘рискуем, что бы ни случилось, будь что будет, все равно придется отвечать’; б) изменчивостью: *семь пятниц на неделе (у кого)*; *زي رباح أمشير كل ساعة* (букв. *подобно ветрам в амшир (шестой месяц коптского календаря Египта, когда дуют сильные ветры), он изменяется каждый час*) — ‘о том, кто часто меняет свои решения’; в) утомлении: *до седьмого пота*; *حتى آخر نفس* (букв. *до последнего вздоха*) — ‘до крайнего утомления’; г) радостью: *быть на седьмом небе* — *طار من الفرح* (букв. *лететь от радости*) — ‘испытывать наслаждение, большую радость’; д) большим количеством: *семеро одного не ждут*; *اللي غايب ملهوش نايب* (букв. *тот, кого нет за торжественным столом, лишается своей порции еды*) — ‘из-за того, что кто-то опаздывает, дело не может откладываться’.

Помимо ФЕ с вышеприведенными числительными, нами выявлены отдельные русские фраземы с числительными «девятнадцать», «сорок» и «сто». Приведем примеры.

В концептуальной картине мира многих этносов, в том числе русского и арабского народов, кошка символизирует поразительную живучесть, грациозность, способность спастись от опасности, что послужило источником деривации русской и арабской поговорок: *кошку девятая смерть донимает*; *القطط بسبع أرواح زي* (букв. *у него, как у кошек, семь душ*) — ‘о живучем, жизнестойком человеке’.

Несовпадение числовых кодов наблюдается также при обозначении очень большого, бесчисленного количества чего-то: *сорок сороков*; *ألف مؤلفة* (букв. *тысячи тысяч*).

Полностью эквивалентным в изучаемых фразеологических картинах мира оказалось числительное «сто» как символ всецелостности и завершенности; примером могут служить разговорные фразеологизмы *сто на сто*, *на все сто*; *كل شيء مئة مئة مئة مئة* — ‘очень хорошо, полностью’. Эту же семантику выражает и арабский фразеологизм *عشرة عشرة* (*десять на десять*).

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ русских и арабских фразеологизмов с числовыми компонентами дает нам возможность сделать следующие выводы.

- Исследуемые единицы позволяют выявить универсальные и этноспецифичные черты русской и арабской фразеологических картин мира: языковые универсалии связаны главным образом с однотипностью моделей, построенных на ментальном единообразии людей разных этносов, а этноспецифичность представлена своеобразными языковыми образами, которые «демонстрируют наиболее важные для данной этнокультуры объекты — предметы, факты, события» [Маркова 2013: 14].

- В русской лингвокультуре наиболее частотны числа «один», «два», «три» и «семь», в арабской лингвокультуре — числа «один» и «два», в меньшей степени — «пять», «семь» и «десять».

- Самую большую группу составляют эквивалентные фразеологизмы с числовыми компонентами (68 единиц, т. е. 56,5 %). Мотивировка значительной их части связана с общим для обоих языков обобщенно-символическим значением лексемы «один».

- Культурно-национальное своеобразие, характерное для ряда арабских ФЕ, объясняется употреблением других культурных кодов, отражающих реалии среды обитания, исторический опыт образного видения мира, а также религиозность арабского народа.

• Среди изучаемых единиц преобладают фразеологизмы с числовыми компонентами, описывающие негативные качества человека и предмета (51,6 %), в чем проявляются общие закономерности русской и арабской фразеологии с числовым компонентом.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАСРЯ = Большой академический словарь русского языка. Т. 12 / под ред. А. С. Герда. — М. ; СПб. : Наука, 2009. 656 с.
2. БФСРЯ = Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В. Н. Телия. 4-е изд. — М. : АСТ-пресс, 2010. 784 с.
3. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. — М. : Вече, 2006. 528 с.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология. — М. : Изд-во РУДН, 2008. 340 с.
5. Зубкова Л. Г. Истоки и эволюция антропологического подхода к языку // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве : тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999.
6. Кальсум Мадкан. Далалять Аль-Адад фи аль-Куран аль-Карим (Семантика числа в Священном Коране) // Аль-Асар : журн. — Алжир. 2012. № 14, июнь. С. 105—118.
7. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. / под ред. Ю. С. Степанова. — М., 1995. С. 144—238.
8. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. — М. : Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1996. 416 с.

Mohammed Abdelfattah Abu Elela
Cairo, Egypt

LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A NUMERICAL COMPONENT IN RUSSIAN AND ARABIC LANGUAGES

ABSTRACT. The article analyzes Russian and Arabic phraseological units with a numerical component which are a universal code of the culture. Linguculturological analysis revealed both common and specific features of numerical symbols in the worldviews of Russian and Arab peoples. There are examples of identical and totally different images in the basis of a phraseological unit. The most frequent numbers in the Russian linguoculture are “one”, “two” and “seven”, while in Arabic linguoculture they are “one” and “two” and to some extent “five”, “seven”, and “ten”. Most similar are phraseological units representing symbolic meanings of “one” and “two”, as these numbers have a universal meaning (one is the beginning, unity, integrity and superiority; two is contradiction, opposition, complementarity). Cultural and national identity is caused by the use of specific culture codes typical of the nation and reflecting the realia, historical experience and religious beliefs. Synonymous phraseological units may have different evaluative semantics (for instance, the equivalent of the Russian expression “стричь под одну гребенку” (tar with the same brush) has a positive connotation in Arabic as it is used in the sacred Muslim text). Some phraseological units are based on the peculiarities of writing (“ноль без палочки” — a zero without a one in Arabic is “ноль слева” zero on the left). Among the analyzed lexemes phraseological units with a numerical component emphasizing negative qualities of a person or an object are more frequent, which is the similarity of the Russian and Arabic phraseology; many of the analyzed units refer to slang or colloquial language.

KEYWORDS: phraseological unit; culture code; motivational image; Russian; Arabic; linguoculturology.

ABOUT THE AUTHOR: Mohammed Abdelfattah Abu Elela, Candidate of Philology, Lecturer of Russian Language, Department of Slavic languages, Faculty of Foreign Languages (Al-Ahsan), Ain Shams University, Cairo, Egypt.

REFERENCES

1. BASRYa = Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 12 / pod red. A. S. Gerda. — M. ; SPb. : Nauka, 2009. 656 s.
2. BFSRYa = Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentariy / pod red. V. N. Teliya. 4-e izd. — M. : AST-press, 2010. 784 s.
3. Vovk O. V. Entsiklopediya znakov i simvolov. — M. : Veche, 2006. 528 s.
4. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologiya. — M. : Izd-vo RUDN, 2008. 340 s.
5. Zubkova L. G. Istoki i evolyutsiya antropologicheskogo podkhoda k yazyku // Russkii yazyk i rusistika v sovremennom

9. Маркова Е. М. Культурные коннотации вторичных номинаций при обучении русскому языку как инославянскому [Электронный ресурс] // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. — М., 2013. № 1. URL: www.evstnik-mgou.ru.

10. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений : более 4000 статей. 2-е изд. — М. : Локид-Пресс, 2005. 880 с.

11. Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). — М. : Флинта : Наука, 2002. 264 с.

12. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. — М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 19—31.

13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.

14. Топоров В. Н. О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. — М. : Наука, 1980. С. 3—58.

15. ТСПАЯ = Ахмед Таймур. Толковый словарь пословиц арабского языка (Аль-Амсалъ Аль-Амийа: машруха ви мура-таба аля аль-харф аль-авал мэн аль-масаль) / под ред. Ахмеда Таймура. 2-е изд. — Каир, 1956. 579 с.

16. Фаттахова Рузилья Фердавиевна. Функционально-семантические особенности числительных в составе ФЕ татарского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2015. № 3. Ч. 2. С. 199—201.

17. ФСРЛЯ = Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. — М. : Астрель : АСТ, 2008. 878 с.

18. Шкатова В. В. Фразеологическая картина мира как объект лингвистического изучения // Вестн. Петербург. гос. ун-та. 2012. № 1. Т. 7. С. 207—215.

19. ЭСФАЯ = Энциклопедический словарь фразеологизмов арабского языка (Аль-муажам аль-мавуэи лиль-таабир аль-астияхи). Т. II / под ред. Мохаммада Мохаммада Давуда. — Каир, 2014. 1048 с.

kul'turnom prostranstve : tezisy dokladov i soobshcheniy mezhdunar. nauch. konf. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 1999.

6. Kal'sum Madkan. Dalaljat' Al'-Adad fi al'-Kuran al'-Karim (Semantika chisla v Svyashchennom Korane) // Al'-Asar' : zhurn. — Alzhir. 2012. № 14, iyun'. S. 105—118.

7. Kubryakova E. S. Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX v. (opyt paradigmalnogo analiza) // Yazyk i nauka kontsa XX v. / pod red. Yu. S. Stepanova. — M., 1995. S. 144—238.

8. Makovskiy M. M. Sravnitel'nyy slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropeyskikh yazykakh. — M. : Gumanit. izd. tsentr «VLADOS», 1996. 416 s.

9. Markova E. M. Kul'turnye konnotatsii vtorichnykh nominatsiy pri obuchenii russkomu yazyku kak inoslavyanskomu

[Elektronnyy resurs] // Vestn. Moskov. gos. obl. un-ta. — M., 2013. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

10. Serov V. Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy : bolee 4000 statey. 2-e izd. — M. : Lokid-Press, 2005. 880 s.

11. Solodub Yu. P., Al'brekht F. B. Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika i frazeologiya (sopostavitel'nyy aspekt). — M. : Flinta : Nauka, 2002. 264 s.

12. Teliya V. N. Kul'turno-yazykovaya kompetentsiya: ee vysokaya veroyatnost' i glubokaya sokrovennost' v edinitakh frazeologicheskogo sostava yazyka // Kul'turnye sloi vo frazeologizmax i diskursivnykh praktikakh. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. S. 19—31.

13. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1996. 288 s.

14. Toporov V. N. O chislovykh modelyakh v arkhaiskikh tekstakh // Struktura teksta. — M. : Nauka, 1980. S. 3—58.

15. TSPAYa = Akhmed Taymur. Tolkovyy slovar' poslovits arabskogo yazyka (Al'-Amsal' Al'-Amia: mashruha vi murattaba alja al'-harf al'-aval mjen al'-masal') / pod red. Akhmeda Taymura. 2-e izd. — Kair, 1956. 579 s.

16. Fattakhova Ruzilya Ferdavisovna. Funktsional'no-semanticheskie osobennosti chislitel'nykh v sostave FE tatarskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2015. № 3. Ch. 2. S. 199—201.

17. FSRLYa = Fedorov A. I. Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka : ok. 13 000 frazeologicheskikh edinit. 3-e izd., ispr. — M. : Astrel' : AST, 2008. 878 s.

18. Shkatova V. V. Frazeologicheskaya kartina mira kak ob'ekt lingvisticheskogo izucheniya // Vestn. Peterburg. gos. un-ta. 2012. № 1. T. 7. S. 207—215.

19. ESFAYa = Entsiklopedicheskiy slovar' frazeologizmov arabskogo yazyka (Al'-muazham al'-mavsujei lil-taabir al'-astiljahi). T. II / pod red. Mokhammada Mokhammada Davuda. — Kair, 2014. 1048 s.